

Вырезка из газеты
СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Газета №

22 СЕНТЯБРЯ 1941

Ванда Василевская — драматург

Советский читатель давно знаком с творчеством Ванды Василевской. Ее книги «Облик дня», «Родина», «Земля в ярме» и выходящее сейчас отдельным изданием «Пламя на болотах» — это книги, по которым советские читательские массы знакомы с подлинной жизнью польского народа, с жизнью своих угнетенных и борющихся братьев за пределами советской страны.

Все эти книги читаются с глубочайшим волнением, со глужим, неослабевающим интересом. Мощный, глубоко реалистический талант писательницы, ее точное знание народной жизни, страданий и радостей народа, его быта, обычаев, морали, ее любовь к народу и ненависть к его врагам, ко всему чуждому народу, паразитарному, чужаждному, что душист народную жизнь, — пронизывают каждое ее произведение живой страстью, создают подлинно поэтические, незабываемые образы.

Ванда Василевская изображает не только страдания народных масс. Она видит и показывает основное, — то, что, несмотря на гнет, несмотря на темноту и невежество, в котором держат народ господствующие классы, только в народе, в его глубинах таится все самое благородное, что выработало человечество в многовековом процессе своего развития: самоотверженность, скромный, не замечавший сам себя героизм, классовая солидарность.

Народные образы в творчестве Ванды Василевской вызывают не жалость, а любовь и уважение к себе, и ненависть, глужую ненависть возбуждает писательница к угнетателям.

В творчестве Ванды Василевской враги народа, кем бы они ни были, какими бы личными свойствами ни обладали (а она не боится показывать их во весь рост), выступают именно как враги человечества, самой человечности, враги земли. И независимо от своих личных свойств они выглядят жалкими перед лицом чудесных людей народа, перед лицом народной жизни и народной борьбы с врагами.

Это основная черта всего талантливого творчества Ванды Василевской. Два мира — благородный мир тружеников с его серьезной, поэтической жизнью и тупой, опустошенной, жестокой мир собственников, само существование которого это болезнь земли, болезнь человечества, мир, с которым нет и не может быть примирения.

Первая написанная Вандой Василевской пьеса под названием «Бартош Гловацкий» носит те же, собственные всему творчеству этого автора, черты. Эта пьеса, будучи написана на историческом материале, в точном соответствии подлинным историческим документам, еще раз доказывает не только силу таланта Ванды Василевской, но и то, что основная тенденция ее творчества — это тенденция самой действительности, целиком из этой действительности вытекает, что сила ее таланта — это сила беспощадной, ни перед чем не останавливающейся правды.

Тама пьесы «Бартош Гловацкий» по существу та же, что и тема романа «Родина» — тема глубокой чуждости стране ее господствующих классов, тема антипатриотичности, антинародности этих классов, отсутствия у них каких бы то ни было идеалов, каких бы то ни было побуждений, кроме тупой, примитивной корысти. В пьесе находит свое отражение то, как паразитарные простоики изпользуют в своих интересах наиболее благородные порывы народных масс, до тех пор, пока во главе народа не становится единственно народная партия, партия пролетариата.

Бартош Гловацкий... Каждый, кому хоть раз случалось побывать в Польше, знает это имя. Памятники Гловацкому, парк имени Гловацкого, лихие патриотические песенки о Бартоше Гловацком. Национальный герой, крестьянин, участник Костюшковского восстания, с косой в руках линувший во время Рацлавицкой битвы во главе других, тоже вооруженных только косами крестьян, на русскую батарею и взявший эту батарею. Крестьянин Войцех Бартош, получивший за свой патриотический подвиг шляхетство, при-

нятый патриотической польской шляхтой в свою среду, — это ли не доказательство единства нации, это ли не тема для патриотической декламации, это ли не существование и воплощение мечты польского поэта-аристократа, мечты о чуде: «с польской шляхтой польский люд»? И легенда о единении крестьянина Войцеха Бартоша, получившего дворянскую фамилию Гловацкого, со шляхтой, о его жизни и гибели в борьбе с захватчиками вошла в официальную историю Польши, вбивалась в головы целых поколений со школьных и университетских кафедр, лилась из патриотических стишков и песенок, усваивалась из рассказов матерей и нянь.

Основанная на изучении исторических документов, а не созданных господствующими классами исторических легенд, пьеса Ванды Василевской, как тяжкий молот, обрушилась на эту лживую сказку, разбивая ее вдребезги и обнажая историческую трагедию польского народа, трагедию народного героя Войцеха Бартоша.

Увлеченный обращениями к крестьянам воззваниями Костюшки, туманно обещавшими облегчение крестьянской судьбы, Бартош действительно на коленях умолял у своего помещика, польского магната, старосты Шуйского, разрешение защищать в рядах повстанческой Костюшковской армии свою польскую родину.

Официальная польская история не лжет, когда рассказывает о героическом энтузиазме вооруженных одними косами крестьян, взявших батарею, под огнем которой позорно бегала шляхетская кавалерия. Правда даже и то, что староста Шуйский, со скрежетом зубным и только из опасения, как бы не попасть впрок, отпустивший свою собственность — Войцеха Бартоша — в Костюшковскую армию, узнав о блестящей победе под Рацлавицами, решился наконец проявить патриотизм и освободить Бартоша с семьей от барщины, торжественно пожаловал ему свиью, корову... и дворянскую фамилию — Гловацкий.

Но уже в первом акте пьесы мы видим, как помещики и их управляющие кнутами гнали на барщину семьи ушедших в восстание крестьян, как они, несмотря на умоляющие, именно умоляющие манифесты Костюшки, заставляли жен и малолетних детей героев, дерущихся за родину, обрабатывать за этих героев барщину.

Мы видим, как с переходом Костюшки

в другое воеводство помещики требуют у него обратно своих крестьян и в три погибели гнут вернувшихся героев, выколачивая из них воспоминания о словах Костюшки, что «крестьяне покрыли себя славой и отчизна этого никогда не забудет».

Мы видим, наконец, как вновь гонят на барщину самого «национального героя», воплощение чуда — «с польской шляхтой польский люд». Как забунтовавшего, понявшего, наконец, цену шляхетского слова и шляхетского патриотизма, его бьют палками перед лицом согнанных со всей деревни крестьян и отдают на двадцать пять лет в солдаты в австрийскую армию. В армию захватчиков. В армию врагов родины. Родины, но не помещиков, не магнатов, не владельцев человеческих душ. У этих нет родины, этим все равно, какая армия будет защищать их право собственности на землю и на людей, населяющих эту землю.

Эпизод пьесы разыгрывается пятнадцать лет спустя, в Италии. Находясь там польские легионы императора Наполеона, под командой генерала Генриха Домбровского, двигаются в Польшу. Снова звучат лозунги борьбы за освобождение Польши и снова та же картина глубокого отчуждения от народа, страха перед народом, перед идеями французской революции, которые, по возвращении домой придется выбивать из головы «сбробда», который сейчас дерется под их шляхетским начальством.

Вокруг имени Бартоша Гловацкого уже создана та легенда, которая вошла впоследствии в историю. Уже звучит задорный мотив песни о Бартоше, увлекая в бой других обманутых:

Ой, остры, ой остры,

Ой остры косы наши...

Но шляхетское офицерство знает свое: «Видите, сударь, с хамом всегда так! Ты его хоть медом мажь, а он... Эх, фантазер был господин Костюшко, фантазер!»

И вот, думаясь, чтобы освободить Польшу, легионеры в одной из стычек с австрийской армией берут в плен несколько австрийских солдат. К удивлению победителей, все они оказываются поляками, отданными польским помещиком в австрийскую армию.

— Глядите-ка, сударь, — говорит капитан легионеров, — фарс какой... Император Наполеон зовет с австрийцами за польское дело, а господин староста

подсылает на помощь австрийцам своих мужиков...

Среди взятых в плен австрийцев оказываются и забытый польскими и австрийскими палками, замученный тоской и заботой об оставшейся под кнутом помещика семье Бартош Гловацкий. Но он уже знает, в чем была его ошибка, он уже твердо усвоил, что у него нет общей с панами родины, он уже понимает, что ему незачем защищать панскую землю.

И на все уговоры много офицерика Скуржевского, полные энтузиазма и декламации на тему о братстве и равенстве, Бартош отвечает одно:

— Да, красиво говорил господин Костюшко, ох как красиво! Да только иначе вышло. Господин Костюшко еще был на поле битвы, когда господа опять гнали мужика на барщину и опять свистел кнут управляющего... как и раньше.

Бартош понял, что означает для народа: «с польской шляхтой польский люд». Его больше не увлекают слова о родине, о славе, о братстве.

— Кому я там брат, я пана Шуйского, старосты Жендовичского, мужик... Пусть поют... — отвечает он Скуржевскому, приглашающему его вслушаться, как под песню о нем, о Бартоше, двигаются в бой полки. — Пусть поют... Ох нет, не хочу уж я второй раз, второй раз я уж не пойду, одного хватило. Надо к себе в деревню пробираться...

И вот:

(Движение, шум, оркестр снова играет «Бартоша»)

Скуржевский: Ах боже мой, а я-то думал, что вместе, что сообща...

Бартош: Оно, конечно, трудна дорога к крестьянской отчизне... Далека до крестьянской отчизны дорога... И иная, чем господская, господин офицер, ох иная! Но я дойду...

Сама история дала драматическую завязку и развязку пьесе. Сама история проходит перед нами в живых, полных обаяния, героизма и глубокой человеческой скорби, образах. Сама живая историческая действительность подсказывает выводы, бросает сквозь пьесу свет на дальнейшие судьбы Польши.

Первая написанная Вандой Василевской пьеса обнаружила тот же глубокий реалистический талант ее автора, каким пронизаны все произведения этой выдающейся писательницы.

Е. УСИЕВИЧ